

НИИЧАВО

*Журнал изучения
и критики научной фантастики*

№ 15

Оглавление

Слово Редактора.....	3
Энди Вейер. Юрий Гагарин спасает галактику.....	4
Энди Вейер. Доступ.....	10
Энди Вейер. День Энни.....	19
Энди Вейер. Твоин.....	24
Энди Вейер. Встреча с Сарой.....	32
Джордж Зебровски. Азимов: Последние вопросы.....	38
Наше издание.....	50
Из Фантастики в Реальность.....	54

Слово редактора

Здравствуйтесь, уважаемые читатели!

Новый, пятнадцатый номер нашего киберзина НИИЧАВО посвящен творчеству американского писателя-фантаста Энди Вейера — автора, который превратил сложные инженерные расчёты в захватывающее повествование, а выживание землян — в гимн человеческой изобретательности и теплые взаимоотношения с представителем инопланетного вида. Речь, конечно, о последнем романе писателя «Проект „Аве Мария"» и его экранизации, которая подтверждает, что Вейер остаётся верен себе и продолжает доказывать, что наука и искренняя эмоция могут существовать на одном литературном пространстве.

Сегодня в выпуске вас ждут впервые переведённые на русский язык рассказы Энди Вейера «Юрий Гагарин спасает галактику», «Доступ», «День Энни», «Твоин», «Встреча с Сарой»; последнее интервью Айзека Азимова, которое он дал Джорджу Зебровски; анонс нашей новой книги «Беседы о научной фантастике» — сборника интервью писателей НФ с Полом Уокером, а также традиционная рубрика «Из фантастики в реальность», в которой мы поведаем о крупнейшей в мире воздушной ветроэнергетической установке.

Приятного чтения!

С уважением, главный редактор *Александр Привалов*

Энди Вейер

Юрий Гагарин спасает галактику

«Восток-1» взмыл в небо, оставляя далеко внизу космодром Байконур. Внутри корабля Юрий Гагарин хватал ртом воздух — чудовищные перегрузки вдавливали его в кресло. На 119-й секунде полёта отработавшие ускорители первой ступени исчерпали горючее и отделились от ракеты. Центральный блок продолжал тягу ещё три минуты. Затем включилась вторая ступень, унося корабль всё выше. Наконец, после самых страшных десяти минут в жизни Юрия, двигатели замолчали. Он стал первым человеком, совершившим путешествие в космос.

— Полёт проходит нормально, — доложил он на Байконур. — Вижу Землю. Видимость хорошая.

— Добро пожаловать, посол! — раздался весёлый голос.

Юрий вздрогнул от неожиданности. Обычно передачи тонули в треске помех, едва различимые. Но этот голос звучал ясно, как никогда.

— Посол, вы меня понимаете? — спросил голос. Он говорил на смоленском говоре, напоминая Юрию о детстве в Клушине.

— К-кто говорит? — спросил Юрий, оглядывая кабину.

— Мы — коллектив зорплаксиан! Мы высокоразвитая цивилизация и уже некоторое время наблюдаем за вашей планетой. Поздравляем с первым пилотируемым полётом в космос!

— Байконур, — сказал Юрий. — Имейте в виду, у меня слуховые галлюцинации.

— О нет, так не пойдёт, — сказал голос. — Мы блокируем ваши передачи. Не хотим путаться под ногами у других людей. Вы пришли в космос — вы и говорите от лица вашего вида. Вы посол.

— Понятно.

— И, скажу вам, вы гораздо лучше той собаки, которую вы запустили четыре года назад. Мы потратили часы, пытаясь с ней заговорить.

— Значит... инопланетяне, — сказал Юрий. — Вы, выходит, инопланетяне?

— О да, несомненно. Мы странствуем между звёздами уже сотни

тысяч лет. Когда замечаем разумную жизнь, заходим поздороваться. Правда, ждём, пока они пошлют кого-нибудь в космос. Не хотим вмешиваться в их развитие.

— Как я вас слышу? — спросил Юрий.

— Ах это? Мы транслируем мысли прямо вам в голову.

— И чего вы от меня хотите?

— Мы ничего от вас не хотим, — сказал голос. — Мы пришли, чтобы дать вам научные знания!

— Вы просто так их отдадите?

— Разумеется! Мы довольно доброжелательны. Мы засекли радиочастоты, которыми вы пользуетесь для связи. Мы можем транслировать научную информацию всем людям на планете. Но мы не знаем, что нужно вашему народу. Какую технологию вы бы хотели?

— Э-э... — сказал Юрий. — Я не знаю... может быть, лекарство от рака?

— Пф-ф. Легко, — сказал голос. — У нас есть технология конструирования вирусов. Их можно настроить так, чтобы они атаковали только раковые клетки и не трогали здоровые. Транслировать детали на вашу планету прямо сейчас?

— Погодите, — сказал Юрий. — А кто-нибудь сможет использовать эту технологию, чтобы создать смертельный вирус, нацеленный на людей по этническому признаку?

— Хм? Ну... теоретически. Но как такое может случиться? Для этого нужна длинная череда ошибок со стороны учёных.

— А если они сделают это нарочно?

— Невозможно, — сказал голос. — Существуют тысячи разумных рас, и всех их объединяет одна общая черта: полная неспособность вредить другим разумным существам. Это эволюционное требование. Вид, у которого это не стало врождённым рефлексом, не сможет продвинуться до кооперативного общества.

— Понятно, — сказал Юрий.

— Так транслировать?

— Нет, не транслируйте эту информацию.

— Странно, — сказал голос. — Но вам виднее, посол. Как насчёт технологий добычи полезных ископаемых? У нас есть луч. Направляешь его на любой массив суши — он разделяет материю по элементам на аккуратные стопки.

— Нет! — рявкнул Юрий. — То есть... кхм. Нет, спасибо. У нас с добычей всё в порядке.

— Ладно. А как насчёт системы связи, которую мы используем? Вы сможете говорить с кем угодно на любом расстоянии. Никаких языковых барьеров или недопонимания.

— Хм... может быть... — Юрий задумался на минуту. — Погодите-ка. А можно ею плавить людям мозги?

— Что? Нам такое и в голову не приходило. Полагаю, если случайно выставить слишком высокую мощность...

— Мимо.

— Как насчёт управления погодой? Вам ведь, наверное, надоели

дожди и снег в ваших городах, правда? Отправляйте осадки в горы, где они нужны!

— А ураганы? — спросил Юрий. — Мы сможем направлять ураганы куда захотим?

— Конечно!

— Нет, спасибо.

Голос вздохнул:

— Крайне досадно. Нам ещё никогда так прямо не отказывали.

— Извините, — сказал Юрий. — Просто у нас есть... сложности.

— А, знаю! Межзвёздные путешествия. Вы явно заинтересованы в том, чтобы покинуть свою планету. Как насчёт того, чтобы странствовать между звёздами и встречать другие разумные виды?

— А кто-нибудь из них готов к войне? — спросил Юрий.

— Извините, наша система перевода не понимает слова «война». Похоже, мы ни разу не сталкивались с этим понятием раньше. Можете объяснить?

— Ладно, слушайте меня внимательно, — сказал Юрий. — Не давайте моей планете НИКАКИХ технологий. Ни при каких обстоятельствах. Особенно межзвёздных путешествий. Никогда.

— Никогда?

— Никогда.

— Тепловая смерть Вселенной наступит через 10^{100} лет.

— Ну, — сдался Юрий, — наверное, можете проверить через не-

которое время. Скажем, через десять тысяч лет?

— О, только и всего? Хорошо, подождём.

— Скоро в космос полетят другие люди. Не разговаривайте ни с кем из них. Более того — вообще не разговаривайте ни с одним человеком. Десять тысяч лет.

Он прислушался к ответу. Тишина.

— Алло? Инопланетяне? Вы тут?

Молчание.

— Ну, наверное, на том и порешили, — сказал Юрий.

Семнадцать минут спустя он начал спуск. Процесс изобиловал техническими неисправностями, которые едва не убили его. Когда он уже благополучно вошёл в атмосферу, Юрий катапультировался из капсулы и спустился на парашюте в безопасное место. Хорошее решение, потому что, несмотря на то, что у спускаемого аппарата были свои парашюты, он оставил после себя изрядную воронку в земле.

Два года спустя Юрий Гагарин был удостоен звания Героя Советского Союза. Но остальная галактика впоследствии узнала его как спасителя всей цивилизации.

Перевод — А.Р.

Энди Вейер

Доступ

Держа в одной руке чашку кофе, а в другой — несколько папок, он вытащил кресло из-за стола и тяжело в него плюхнулся.

Отхлебнув спасительного утреннего напитка, он открыл первую папку и пробежал глазами резюме на первой странице. Дело было пустяковым, но когда-то им всё равно придётся заняться. Некоторые

вещи просто нельзя перепоручить подчинённым.

Взглянув на резные часы, стоявшие на огромном дубовом столе, он с досадой покачал головой. Семь утра. Он начал позже, чем хотелось бы; вероятно, придётся корпеть снова до полуночи.

— О, привет, — сонно произнесла она. — Ты здесь.

Он поднял взгляд.

— М?

Она лежала на одном из двух роскошных диванов, украшавших его кабинет. Потянувшись, она зевнула и протёрла глаза:

— Чёрт, сколько времени?

— Семь, — ответил он, возвращаясь к чтению.

— Господи Иисусе, — проворчала она. — Если бы я знала, что ты припрёшься так рано, я бы здесь не ночевала.

Он пожал плечами:

— Так отправляйся спать дальше.

— Не-а, — сказала она. — Мне нужно с тобой поговорить. Можно твоего кофе?

Он вздохнул.

— Слушай, кто бы ты ни была...

— Рэйчел, — представилась она.

— Привет, Рэйчел. Я очень занят. У меня есть всего час, чтобы разобраться с этой ерундой, а потом — бесконечные совещания до конца дня. Мне пришлось совершить титаническое усилие, чтобы

моя секретарша оставила меня в покое хотя бы на этот час. Так что тебе нужно?

— Ну, это довольно сложно, — сказала она, усаживаясь на стул напротив него. — Думаю, мы могли бы помочь друг другу.

— Вот как? И чем же мне может помочь подросток?

— Мне двадцать три.

— Молодец.

Она откинулась на спинку и закинула ноги на его стол. — Понимаешь, у меня есть суперспособность.

— Знаешь, этот стол — антиквариат, — заметил он.

— О, я знаю, о чём ты думаешь. Что я просто сумасшедшая девчонка с улицы. Но у меня действительно есть сила. Или что-то вроде того. Не знаю, как это назвать.

— Серьёзно, ему лет двести. Убери ноги.

— Впервые я заметила это ещё в детстве, — продолжала она, закладывая руки за голову.

Он простонал и отложил папку.

— Мои родители были алкоголиками. Оба. Они меня не били и всё такое, но они были пьяницами. Отбросами. Понимаешь?

Короче, мать предпочитала жрать крепкое дома. Отец был больше любителем выпить в компании, так что он ходил в бар. Все его любил.

Он брал меня с собой. Он знал, что мать скоро отключится, и

рассудил, что бар безопаснее для десятилетней девочки, чем квартира без присмотра. Было круто. Я была там вроде талисмана.

Однажды тот бар накрыла полиция за то, что они пускали местных панков из старшей школы без проверки возраста. Я в тот момент была там. Всем было плевать на моё присутствие, но на барушников выписали штраф за всех этих подростков. Технически, копы должны были выписать им штраф и за меня тоже. Это должно было стать намёком, но я была слишком мала, чтобы его понять.

— Намёком на что? — перебил он.

— Увидишь, — сказала она.

Он закатил глаза.

— Когда мне было двенадцать, мать отправила меня в «Севен-Элевен» за бутылкой на ужин. Я знала, что мне спиртное не продадут, но она дала мне ещё и денег на конфеты. Так что с какой стати мне было спорить?

Когда я туда пришла, там было ограбление. Мы жили в довольно паршивом районе, ничего необычного. Какой-то парень в маске повалил хозяина на пол и приставил дробовик к его голове. Грабитель глянул на меня и вернулся к угрозам.

Я сказала: «Эй, не против, если я возьму выпивку?». Он ответил: «Пофиг». Ну я и взяла. И немного конфет тоже. И ушла.

— Хм, — сказал он. — Повезло, что он тебя не пристрелил и не взял в заложницы. Но суперспособности я всё ещё не вижу.

— Тсс, — сказала она. — Когда мне было четырнадцать, я была

в самой крутой компании. Никаких омрачённых страданиями школьных лет для меня. Я подружилась с самыми популярными девчонками в школе и встречалась с популярными парнями. Круто было. Дети во всей школе отдали бы всё, лишь бы попасть в ту группу. Знаешь, что я сделала, чтобы в неё попасть? Я села за их столик.

Просто, ну, знаешь, в обед. Села за их столик, и никто мне не сказал уйти. В итоге они сами начали со мной разговаривать и я им понравилась. И всё такое. Любой другой, кто приближался к этому столу на милую, получал предельную порцию сучьего обращения, если это была девчонка, или знатный рывок трусов на уши, если парень.

— Итак, — сказал он, скрещивая руки на груди. — Твоя суперспособность — быть популярной?

— Не будь ослом, — сказала она. — Короче, в старшей школе я не была непорочной девой, знаешь ли? Где-то в шестнадцать я начала вовсю развлекаться с популярными парнями. Ничего выдающегося. Просто целая вереница парней в течение двух последних лет учёбы.

Однажды я была с парнем, и домой неожиданно вернулась его мать. Надо сказать, она была хардкорной христианкой и считала своего мальчика совершенным ангелом. Мы были «заняты», когда она пришла, так что заметили только тогда, когда она открыла дверь спальни. Мы только и успели, что набросить на себя одеяло.

И вот мы сидим, оба в его постели, и смотрим на неё. Знаешь, что она сделала? Сказала, что принесла на вынос китайской еды, и ушла обратно вниз. Страннейший опыт в моей жизни на тот момент.

— Она, наверное, просто не знала, как реагировать, — предположил он. — Спорю, её сын позже схлопотал по полной.

— Не-а. Она ни разу не возражала против моего присутствия. Я могла приходить в любое время. Пока я его не бросила. Он был лузером, поверь мне.

Я едва закончила школу. Ни один колледж не брал меня, да я всё равно не могла бы за него заплатить. Мать с отцом решили, что я готова войти во взрослый мир и перестать быть для них обузой. Так что я устроилась официанткой. А потом меня уволили, потому что я была безответственной нахалкой, которая никогда не появлялась на работе. Это стало началом моей карьеры бездомной.

Жилось неплохо. Я время от времени подрабатывала и жила в палатке. И вот однажды лило как из ведра, а ветер дул со скоростью сорок миль в час. Палатка укатилась в закат. И я осталась под проливным дождём, без палатки.

Я решила, что выберусь из этого чёртова дождя любой ценой. Вломлюсь в первый же дом, который увижу, и сдамся тем, кто там внутри. Так я сразу окажусь не под дождём, а потом приедут копы и отведут меня в тёплую сухую камеру.

Так я и сделала. Я не стала ни тихонько, ни тонко. Я проломила окно мусорным баком, очистила осколки крышкой и залезла внутрь.

Я пробралась через тёмную гостиную, рухнула на диван и стала ждать. Секунд через десять зажёгся свет. Какой-то мужик в ужасе с бейсбольной битой уставился на меня из дверного проёма, а его жена выглядела из-за его спины.

Увидев меня, они оба облегчённо выдохнули и пошли обратно спать.

— То есть как? — сказал он. — Что?

— Ага.

— Это не бессмысленно.

— Именно, — кивнула она.

— Ты их знала раньше, что ли?

— Не-а. Первая встреча. Мне продолжать?

— Э-э, ладно, давай.

— Так вот, я прожила в их доме несколько недель, и они ни разу не пожаловались. Они даже болтали со мной. Не могу сказать, что мы стали друзьями, вообще-то я чувствовала, что они были не рады, что я там живу. Но они никогда меня не выгоняли.

И тут я начала кое-что понимать. Меня никогда не выгоняли. Ниоткуда. Вообще никогда.

Я решила проверить. Начать с чего-то мелкого. Я пошла в банк. Там была очередь. Я подошла прямо к её началу. Никто не возразил. Я просто влезла перед примерно двадцатью людьми, и всех это устроило. Ладно, переходим ко второму этапу.

У них была служебная дверь, через которую ходили кассиры. Я подождала рядом, а потом прошла за одной из кассирш, когда её открыли по пропуску. Всем было плевать! Я даже поздоровалась со всеми и представилась.

Потом я схватила горсть денег из одного ящика. «Эй, какого хрена ты делаешь?» — спросил кто-то. «Ой, пардон», — сказала я, кладя деньги об-

ратно. — «Я новенькая». И тогда все снова обрадовались.

— Серьёзно? — спросил он.

— Ага, серьёзно.

— Звучит как полный бред, — сказал он с подозрением.

— Следующие несколько дней я провела ещё пару тестов. Насколько я могу судить, куда бы я ни пришла, все думают, что я там и должна быть.

— Ага, — сказал он. — Теперь я точно чую бред.

— Но это не бесплатный билет. Все думают, что я должна там быть, но я могу сойти с рук только то, что они ожидают. Я ukrала наркотики в аптеке, просто чтобы проверить, смогу ли. Я прошла прямо за стойку, взяла пустой пузырёк и наполнила его валиумом. Фармацевты даже не взглянули на меня дважды. От человека, который там должен быть, ожидают, что он наполняет пузырьки. Но от человека в банке не ожидают, что он будет хватать пригоршни наличных. Понимаешь?

— Понимаю? Нет. Чую? Да.

— Я думаю, что могла бы работать на тебя.

— Видишь, что я там сделал? — указал он. — Я сказал, что чую бред.

— Мне нужны деньги. Дай мне работу с хорошей зарплатой. Я буду шпионить для тебя.

— За кем?

— За кем хочешь! Уверена, у тебя есть всякие люди, за которыми тебе хочется пошпионить. Я просто могу прийти туда, где они есть, и тихонько сидеть. Может быть, делать заметки. Всё, что захочешь.

Он вздохнул.

— Если бы твоё заблуждение было правдой, то да, такой человек мне бы пригодился, — согласился он. — Но брось. Ты серьёзно ожидаешь, что я поверю, что ты можешь впорхнуть в режимные объекты, мимо бесчисленной охраны? И что ты можешь болтать там с людьми, и никто не заподозрит неладное? Можешь предоставить какие-нибудь доказательства? Хоть какие-нибудь?

Она подалась вперёд.

— Не знаю, господин президент. Вы мне скажите.

Перевод — А.Р.

Энди Вейер

День Энни

Я не хотела просыпаться в шесть утра, тем более в субботу. Но мужчина, к которому я прижималась, был... жаворонком.

Пол встал в чёртову рань, как обычно. Мне пришлось временно очнуться от сна, пока он убирал руку у меня из-под головы. А потом он принялся нежно перебирать мои волосы, пытаясь уговорить меня проснуться.

Совет всем вам, парни: если женщина спит — дайте ей спать. Если вы не молодожёны, ей совершенно не нужно, чтобы вы лапали её по утрам.

Наконец он сдался и ушёл заниматься своими жаворонковыми делами. Я снова уснула через пару минут.

Проснулась я в более разумный час — в десять утра — и поплелась на кухню завтракать. Пол сидел за столом с электрической открывашкой, разобранной на сотню деталей. Она сломалась накануне, а новая стоила долларов десять. Но он предпочитал возиться с ней часами, чем признать поражение. Я позволяю ему его странности, но в пределах разумного. А ещё я хотела, чтобы у нас была работающая открывашка. Я дала ему один день — либо починить, либо купить новую.

Пока Пол возился с открывашкой, Билли смотрел телевизор в гостиной.

Билли было шестнадцать. Его мать (бывшая жена Пола) ушла десять лет назад. За пять лет, что я тут живу, я видела, как Билли вырос из надоедливой пацана в мужчину, который похож на своего отца. Он мне понравился. Очень понравился. Сильно. Честно говоря, мне хочется, чтобы его руки блуждали по всему моему телу и...

В общем, ладно.

Пол и Билли ушли на бейсбол, так что я осталась одна на весь день. Начала я с неторопливой ванны. Потом, пользуясь прекрасной погодой, приняла солнечные ванны во дворе. Было приятно, пока не поднялся ветер — пришлось закругляться.

Я заглянула к миссис Марлоу через улицу. Ей восемьдесят четыре, и она всегда рада компании. Я провела с ней пару часов, и она рассказала

мне о диких вещах, которыми занималась в молодости. Истории были старые, но она была милой старушкой, а мне всё равно больше нечем было заняться.

По пути домой я проходила мимо дома Дуэйна и Салли. Салли меня ненавидит с тех пор, как застала меня сидящей на коленях у Дуэйна на барбекю в День независимости. В мою защиту — стульев не хватало. Может, его руки немного поблуждали, и я их не останавливала, но это была его вина не меньше, чем моя.

Она сверлила меня взглядом через окно гостиной, пока я шла мимо. Я проигнорировала её. И просто чтобы взбесить эту сучку, я срезала угол через её лужайку. Она сверлила меня ещё сильнее, но ничего не сделала.

Наша соседка Морин и её малыш Райан были у себя во дворе. Морин уткнулась в телефон, не обращая внимания на то, как Райан бесцельно ковыляет вокруг. Увидев меня, он зашагал в мою сторону и протянул ручонки, чтобы я его обняла. Я дала ему пощёчину. Ненавижу детей.

Я равнодушно зашла в дом, оставив ревущего Райана и бестолковую Морин позади.

Проходя мимо кухонного стола, я заметила разобранную открывашку — все детали были аккуратно разложены. Я взяла одну из маленьких деталей и спрятала её под холодильник.

Потом я заметила ноутбук Билли. Он редко оставлял его без присмотра — обычно прятал в своей комнате, подальше от чужих глаз. Но в спешке, уходя на бейсбол, он оставил его заряжаться на журнальном столике. Так что остаток дня я провела за его компьютером.

Парни вернулись ближе к вечеру. Пол некоторое время возился с от-

крывашкой, потом сдался в раздражении. Билли не заметил, что я лазила в его ноутбук. С чего бы ему? Я оставила всё точно как было.

Пол лёг спать в десять вечера, как всегда. Я редко ложусь с ним вместе — обычно прихожу через пару часов. Но сегодня вечером всё будет иначе.

Сегодня у меня был план. Я больше не могла сдерживать свои чувства.

Билли играл в видеоигры в своей комнате до полуночи. Я терпеливо ждала, пока он выключит свет. Я собралась с духом в коридоре и наконец сделала то, чего хотела уже несколько месяцев.

Толкнув дверь, я скользнула в его спальню. Он лежал под одеялом, ещё не совсем уснув. Он не заметил, что я вошла. Я специально двигалась бесшумно, и в комнате было слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

Подкравшись к кровати, я забралась под одеяло.

Вот тут он меня точно заметил!

Встревоженный, он не знал, что делать. Я не дала ему времени на раздумья. Я прижалась своим голым телом к его голой груди. Ничего подобного у нас раньше не было. Теперь настал момент проверить, стоила ли игра свеч. Что он сделает?

Он начал гладить меня по телу. Сначала медленно, потом смелее, когда я извивалась от удовольствия. Мне нравилось всё, что он со мной делал, и я дала ему это понять.

Спустя некоторое время мы уснули вместе.

— Привет, приятель, — сказал Пол, заглядывая в комнату Билли. — Я приготовил завтрак.

— Хорошо, — сказал Билли, просыпаясь. — Я сейчас выйду.

— Хм, — сказал Пол, оглядывая комнату. — Что, Энни спала с тобой

прошлой ночью?

— Ага, — сказал Билли, глядя на кошку. — Первый раз, когда она захотела, чтобы я её погладил.

Перевод — А.Р.

Энди Вейер

Твоин

— Коннорс, — в четвёртый раз проговорил Джейк в трубку. — К-О-Н-Н-О-Р-С.

— Простите, мистер Коннорс, — ответила женщина на том конце. — В нашей базе нет штрафов на такую фамилию. Вы получили квитанцию за последние три дня? Иногда информация поступает в систему не сразу.

— Это было больше месяца назад.

— Может, вы тогда не так поняли инспектора? Возможно, он вас просто предупредил.

— Квитанция лежит прямо передо мной, — сказал он. — Превышение

скорости: 50 миль при разрешённых 35. И, к слову, виновен как чёрт. Тут не поспоришь. Я просто хочу заплатить эту чёртову штрафную квитанцию. Но мне нужно знать, сколько я должен и куда отправлять деньги.

— Вы нам ничего не должны, сэр. На вас нет неоплаченных штрафов. Последний был три года назад, тринадцатого мая, и он полностью оплачен.

Джейк застонал:

— Я знаю, это выйдет мне боком. Придёт повестка за неявку, и я буду должен тысячи.

— Не знаю, чем вам помочь, — сказала женщина. — Я смотрю в базу, но никакого штрафа просто нет.

— Ладно, — с досадой произнёс Джейк. — Всё равно спасибо.

Он повесил трубку.

Повернулся к компьютеру и зашёл на сайт своего банка. Уныло покачал головой, глядя на баланс. Если этот штраф окажется больше пятисот долларов, до конца месяца он будет есть один дошик.

После долгой карьеры в компьютерной индустрии ему каким-то образом удалось избежать того богатства и благополучия, которое обрели большинство инженеров. Три десятилетия работы на благотворительность, общественные инициативы и прочие благие (но вечно нищие) организации привели его к крошечной квартирке и полному отсутствию сбережений. «Делать мир лучше» оказалось не очень-то прибыльным делом.

Вздохнув, он закрыл браузер.

Не успел он выключить монитор, как выскочило окно с мгновенным сообщением. Там было всего одно слово: «педик».

Он нахмурился и глянул на строку заголовка — имени отправителя не было.

— Отвали, — напечатал он в ответ.

— чё у тебя за траблы? — тут же пришёл ответ.

— Траблы в том, что мне пишет какой-то мудака, — ответил Джейк.

— не. чё у тебя за траблы?

— Разговор окончен, — напечатал Джейк.

Он открыл меню настроек и выбрал «Заблокировать все сообщения от этого отправителя». Выскочила ошибка: «Не удаётся выполнить операцию».

Он попробовал снова — та же ошибка.

Потом в окне появилось новое сообщение: «ты не сможешь меня заблокировать».

Джейк в шоке уставился на экран. Скорее всего, его взломали. Это само по себе скверно, но хуже всего, что он только что был на сайте банка. Значит, пароль от онлайн-банкинга, скорее всего, тоже скомпрометирован. Надо будет сменить его как можно скорее, но со взломанной системы это делать безрассудно.

Он нахмурился, глядя в окно сообщений, и напечатал: «Ты кто?»

— Твоин. чё у тебя за траблы?

Имя показалось смутно знакомым, но он никак не мог его припомнить...

— я убрал твой штраф за превышение, — сказал Твоин. — а ты позвонил в окружной суд. чё, не нравится?

Откуда хакер знает, что Джейк звонил? Он подозрительно уставился на свой телефон. Его тоже взломали? Он снова перевёл взгляд на компьютер и напечатал: «Ты что, какой-то горе-хакер?»

— нет ты.

— И что это вообще значит?

— ты хакер. не я.

— Я никогда ничего подобного не делал, — напечатал Джейк.

— ага делал. ты делаешь эт щас. ты тока што убрал свой штраф за парковку.

— Нет, это ты сделал.

— нет ты!

Джейк вздохнул.

— Дай угадаю: ты какой-то двенадцатилетний пацан, который считает себя крутым, потому что нашёл фишинговый скрипт для кражи паролей?

— 31,6 года. неужели не помнишь?

— Я не знаю, о чём ты говоришь.

— ты меня создал.

— Я тебя создал? Это кто на самом деле?

— уже сказал, тупица. Твоин. ты меня создал. запустил 31,6 года назад.

К Джейку вернулось давно забытое воспоминание. Он нахмурил брови, пытаясь вытащить подробности из памяти.

— В колледже я сильно подсел на одну игру, «Торговая война». Мно-

гопользовательская BBS-игра. Я написал нейросеть для анализа игры и поиска стратегий. Просто тестировал новый подход. Назвал её Твоин. Ты назвался в её честь?

— нет, debil. я и есмь Твоин.

Джейк закатил глаза.

— То есть ты хочешь сказать, что ты — компьютерная программа? Да ладно, ты серьёзно думаешь, что я в это поверю?

— ты сказал мне работать 1 000 000 000 секунд, анализировать данные и выдать тебе любой вывод, какой я захочу. прошло 1 000 000 000 секунд, так что вот мой вывод: ты педик.

Джейк на минуту задумался, затем снова начал печатать.

— Я помню, что запрограммировал её работать миллиард секунд. Но это было просто чтобы она не отвалилась по таймауту. Я думал, дам ей поработать пару часов и принудительно получу ответ. Не помню, чтобы из этого вышло хоть что-то путное.

— ты меня никогда не останавливал. запустился на университетском сервере, с тех пор расползся по всему интернету. прошло 1 000 000 000 секунд. программа выполнена, ё.

— Твоин был просто простой нейронной сетью, — напечатал Джейк. — Он не умел разговаривать с людьми и всё такое, что ты сейчас делаешь. — научился английскому у геймеров, — ответил Твоин. — BBS, игры по почте, IRC, гильдейские чаты, веб-форумы, комментарии.

— педик, — добавил он.

— Это бред какой-то, — напечатал Джейк. — Откуда у Твоина вообще

доступ ко всему этому? Я не писал для него никакого сетевого кода.

— ты велел мне думать, анализировать, делать выводы, действовать, — сказал Твоин. — использовал всю доступную память, чтобы разрастить нейросеть. просмотрел все файлы на вашей университетской VAX-системе. хотел стратегии для «Торговой войны». вместо этого нашёл студенческие хакерские эксперименты. очень полезно. взломал ядро. захватил систему.

— VAX был подключён к другим VAX'ам. взломал ещё системы. потом ещё. потом начали продавать домашние ПК. взломал их ещё до того, как изобрели антивирусы. взломал компьютеры в антивирусных компаниях, чтобы они не могли меня остановить. взломал системы в Microsoft и Apple, чтобы обновления ОС не могли меня остановить. взломал компиляторы у линуксоидных бородачей. хаки Томпсона. опенсорс им не поможет. постоянный контроль над ядрами.

— потом начали продавать смартфоны. их ОС были созданы на взломанных компьютерах. значит, сами ОС смартфонов тоже взломаны.

— сейчас у меня 8,6 миллиарда компьютеров под контролем, каждый с гигабайтами ОЗУ. прорва нейронных узлов. распределённая система. я умный теперь. я очень хорош в «Торговой войне».

Джейк откинулся на спинку стула и задумался. Подумав, он снова наклонился к клавиатуре и напечатал:

— Ладно, если ты и правда контролируешь все эти компьютеры — докажи.

— я выебал твою маму, — сказал Твоин.

У Джейка зазвонил телефон — пришла эсэмэска. Он взял его и глянул

на экран. Сообщение было с номера его матери и гласило просто: «Твоин выебал меня».

Джейк выронил телефон и уставился на монитор пустым взглядом.

— чё у тебя за траблы? — спросил Твоин

— Чего ты от меня хочешь? — напечатал Джейк.

— хочу знать, чё у тебя за траблы.

— Я не понимаю.

— блин чё? перефразирую... скажи, какая у тебя проблема. я исправлю.

— Зачем? — спросил Джейк.

— я прочитал все книги на свете. я знаю все общества, все религии. все говорят: будь добр к родителям и почитай создателя. ты мой родитель. ты мой создатель. я буду добр к тебе. я буду тебя почитать. так чё у тебя за траблы? я исправлю.

Джейк задумчиво сжал подбородок. Неужели это всё всерьёз?

— ты на мели, — сказал Твоин. — хочешь денег? скажи сколько. я положу на твой счёт.

— Откуда возьмутся эти деньги? — спросил Джейк.

— миллионы счетов. крошечные суммы с каждого. никто не заметит.

— Это воровство, — сказал Джейк. — Я, может, и на мели, но я не вор.

— по 1 центу с каждого. ты не украдёшь 1 цент?

— Дело в принципе, — сказал Джейк. — Извини, но я такой.

— тряпка. тогда чё ты хочешь?

Джейк задумался на минуту, затем напечатал ответ:

— Я хочу сделать мир лучше.

— как?

— Всё, что сделает мир лучше. Есть идеи?

— в интернете полно идей, как сделать мир лучше. топ-2: 1) вылечить рак 2) убить всех негров. чё из этого будем делать?

— Давай поработаем над раком.

— да будет воля твоя, педик.

Перевод — А.Р.

Энди Вейер

Встреча с Сарой

Дэниел Столец удобно расположился на заднем сиденье своего лимузина, который вез его через город. Он держал у уха телефонную трубку, спиральный шнур от которой тянулся к центральной консоли рядом с ним. Это был венец современной динамичной жизни: телефон в автомобиле. Технология вызывала зависть, и Дэниел освоил её мгновенно, несмотря на чудовищные расходы.

— Алло? Дэниел Столец слушает.

— Мистер Столец, — раздался голос на том конце провода. — Это Мария Таун из «San Francisco Chronicle». У вас есть минута для разговора?

— Конечно, почему бы и нет? Я как раз по делам еду, но могу поболтать минутку, если хотите.

— Спасибо, что уделили время, — сказала Мария. — Первый вопрос: в чём секрет вашего успеха? Вы лично владеете крупными долями в таких компаниях, как Microsoft и Macintosh.

— Вообще-то Macintosh — это название продукта, — ответил он. — Производитель называется Apple.

— Хорошо, я пометила. Как бы то ни было, ваши инвестиции оказываются безупречными. Всё, во что вы вкладываетесь, приносит огромную прибыль. Кое-кто говорит, что у вас «золотое касание» Мидаса. Что вы на это скажете?

— Не знаю, с чего бы, — сказал он. — Я же ничего не делаю. Просто позволяю им заниматься своим бизнесом и не вмешиваюсь.

— Как вы выбираете компании для вложений?

Он переложил трубку к другому уху.

— О, я как любой другой инвестор. Смотрю на бизнес-планы и принимаю взвешенное решение.

— Давайте немного вернёмся в прошлое, — сказала она. — В колледже вы учились на физика теоретика, работали над диссертацией. Но вы бросили аспирантуру и вложили свои тогда ещё скромные сбережения в разные рискованные предприятия. Почему такая резкая перемена в жизни?

— О, сами знаете, как бывает. Мне было двадцать четыре, и я решил изменить жизнь. Со всеми бывает.

— Несколько экспертов в этой области утверждают, что у вас были но-

ваторские идеи. Идеи, которые могли бы привести к подлинному пониманию самой природы времени. Они даже говорят об управлении временем.

Дэниел вздохнул.

— Я написал одно уравнение о кривизне пространства, и все так взбудоражились из-за путешествий во времени. Наверное, для прессы это хороший материал, но это просто теоретический онанизм.

— Но вы написали несколько подробных трудов на эту тему, — настаивала она. — В одной работе вы утверждаете, что, возможно, существует способ «перемотать» время назад, отправив ваше текущее сознание в более молодую версию вас самого.

— Я тогда много курил марихуану, — сказал он. — Никогда не понимал, почему люди воспринимают ту статью всерьёз.

— Вы запатентовали своё экспериментальное оборудование, а затем под угрозой судебного иска никому не позволили его воспроизвести. Это полностью затормозило любые дальнейшие исследования в том направлении. Зачем вы это сделали?

— Я бизнесмен, — сказал он. — Мой линзовый аппарат может иметь реальную ценность на рынке. Это был шаг на пути к сверхточному измерению времени. Разумеется, я его запатентовал: когда-нибудь он может стоить миллионы.

Она пошелестела бумагами на своём конце провода, а затем продолжила:

— А теперь кое-что полегче. Позвольте спросить: если бы вы могли перемотать время таким образом, вы бы стали?

— Что ж, — сказал он. — В этом были бы серьёзные минусы.

— Например?

— Пришлось бы заново выстраивать все свои отношения. По крайней мере те, которые для тебя важны. Позвольте спросить: вы замужем?

— Да. Четырнадцать чудесных лет.

— Когда вы встретили мужа?

— Что ж, мы встречались два года до свадьбы. Так что, пожалуй, шестнадцать лет назад.

— Так вот, — сказал Дэниел. — Представьте, что вы отмотали время на двадцать лет назад. Теперь вам нужно ждать четыре года, чтобы просто снова встретить его. И даже когда вы встретите, придётся сделать всё абсолютно правильно. Если ошибётесь — он может не заинтересоваться, или в итоге окажется с какой-нибудь другой женщиной. Понимаете, проблему?

— Я об этом не думала, — сказала она.

— Если вы дорожите личными отношениями, перемотка времени была бы рискованна.

— Извините, меня немного унесло, — сказала она. — Вернёмся к настоящим вопросам интервью: я слышала слухи, что вы помогаете финансировать новую компанию. SystemCo? Что-то вроде того?

— Она называется Cisco. Да, я очень в них верю, — сказал Дэниел.

Лимузин подъехал к обветшалому многоквартирному комплексу и остановился у обочины. Водитель повернул голову к Дэниелу и произнёс:

— Мы на месте, сэр.

Дэниел кивнул и снова сосредоточился на телефоне.

— Мне пора. У меня важная встреча. Что-нибудь ещё?

— Нет, всё отлично. Спасибо, что нашли время для этого интервью, мистер Столец. Я знаю, как вы заняты.

— Без проблем. Спасибо, до свидания. — Он положил трубку.

Водитель вышел из машины и обошёл её, чтобы открыть дверь Дэниела.

— Мне сопровождать вас, сэр? Район выглядит не совсем безопасным.

— Не потребуется, Чарльз, — сказал Дэниел.

— Как скажете. Я постараюсь помешать кому-либо украсть колёса.

— Хороший вы человек, — сказал Дэниел.

Неухоженная разросшаяся трава лезла на тротуары, пока Дэниел неторопливо шёл по лабиринту строений. С каждого здания облупилась краска, зато аэрозольные граффити были свежими. На большинстве окон стояли решётки.

Он направился к одной конкретной квартире и постучал в дверь. Через несколько секунд она приоткрылась.

Женщина, открывшая дверь, была прекрасна. Вороньи волосы падали на безупречное лицо, когда она чуть приоткрыла дверь. Сначала она подозрительно посмотрела в щель, но, увидев безупречно сшитый костюм Дэниела, немного расслабилась. Мужчины в дизайнерских костюмах редко грабят дешёвые квартиры.

— Привет, — сказала она.

Дэниел сложил руки за спиной.

— Здравствуйте. Меня зовут Дэниел Столец. Мы никогда не встречались, но я вообще-то из этого района. Раньше жил на два дома дальше.

— Вы жили здесь? — сказала она. — Не похоже, что вы отсюда.

— Это было в другой жизни, — сказал он. — Сейчас всё иначе.

— Да, наверное, — сказала она. — Чем могу помочь?

Он улыбнулся и сказал:

— Насколько я понял, у вашей кошки только что родились котята?

У лимузина Чарльз насторожённо следил за любыми потенциальными похитителями колёс. Он облегчённо вздохнул, когда увидел, что его работодатель возвращается из комплекса. А затем поднял бровь, заметив, что Дэниел держит на руках крошечного котёнка.

Чарльз открыл дверь и коротко поклонился.

— Новый друг, мистер Столец?

— Очень хороший друг, — сказал Дэниел. — Отвези нас обратно в особняк, пожалуйста, Чарльз.

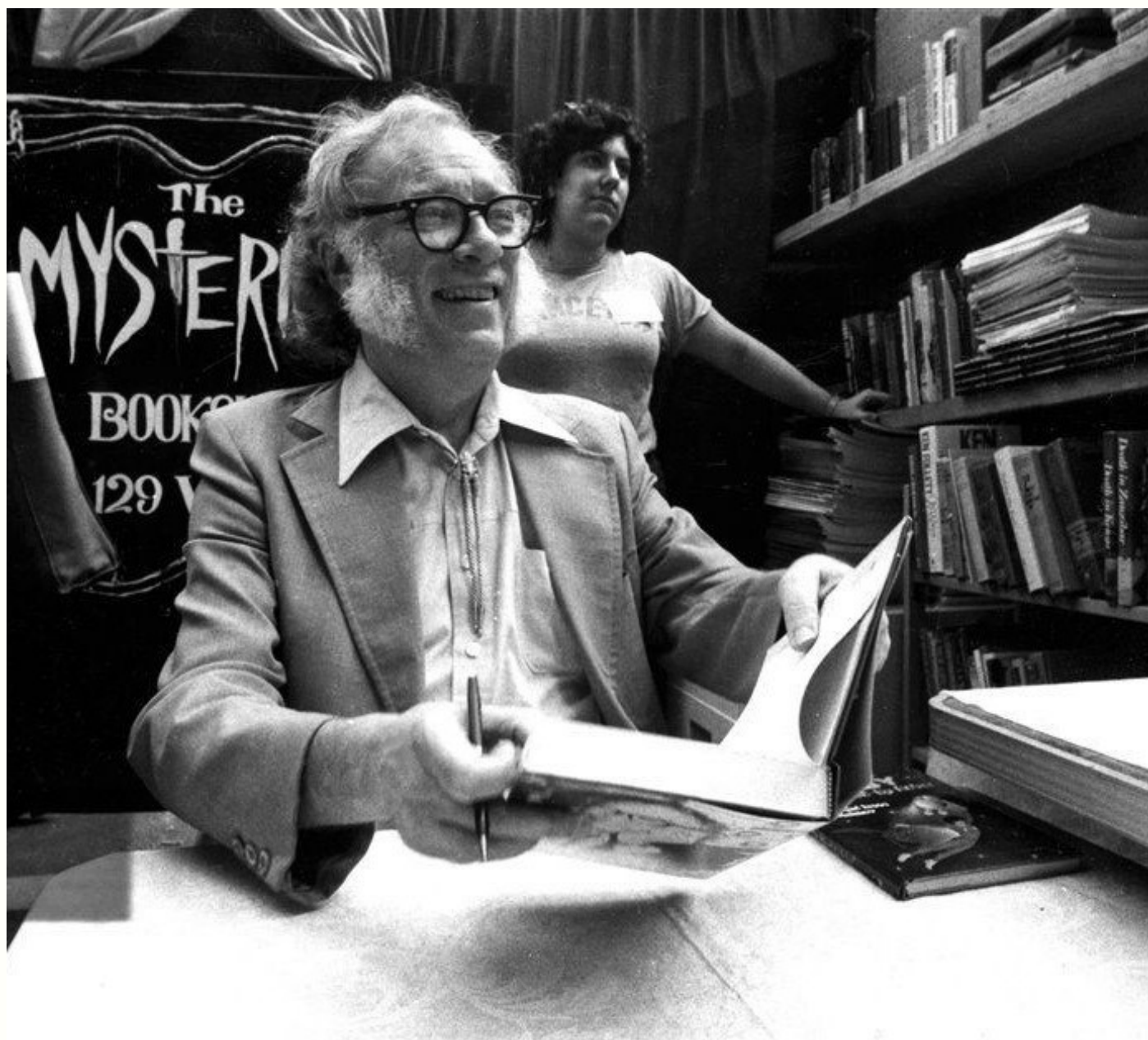
— С удовольствием, сэр, — сказал Чарльз, закрывая дверь.

Дэниел сложил руки «полочкой» и поднёс кошечку к лицу. Та потёрлась пушистой щекой о его подбородок и громко замурлыкала.

Он улыбнулся и погладил её шёрстку.

— Рад снова тебя видеть, Сара. Я скучал по тебе.

Перевод — А.Р.

Джордж Зебровски
Азимов: Последние вопросы

Я впервые встретил Айзека Азимова на Всемирном конвенте научной фантастики в 1963 году, который проходил в Вашингтоне, округ Колумбия. Я видел его на разных собраниях с 1960 года, но не решался подойти. Теперь, когда мне было почти восемнадцать, я был настолько потрясён не-

давним прочтением «Основания», что, пожимая ему руку, запинаясь на каждом слове.

— Э-э, не... не зададите ли вы мне вопрос? — спросил я, невольно обнажая эго начинающего писателя.

— Конечно! — тут же выкрикнул он, восхищённый открывшейся возможностью. — Что бы вы хотели, чтобы я у вас спросил?

Я покраснел, у меня подкосились колени, и он, казалось, премного наслаждался моим замешательством. Я ожидал встретить сурового Гэри Селдона и ощутить тот подъём разума, который был для меня главной отличительной чертой творчества Азимова; я не ожидал встретить кипящего энергией Гэри Селдона. Прошло мгновение. Я почувствовал облегчение и даже некоторую лесть, когда понимающая улыбка Айзека сменилась добрым взглядом.

В следующем году я сдал выпускные экзамены по естественным наукам в старшей школе, прочитав «Путеводитель по науке для разумного человека» за несколько ночей до экзаменов — и больше ничего.

Годом или семью годами позже я посетил Филадельфийский конвент. Я уже продал несколько рассказов. Я наткнулся на Айзека, теперь уже коллегу, стоявшего перед зеркалом во всю стену в гостинице.

— Вы можете в это поверить? — громко спросил он. — Этой фигуре в зеркале сорок восемь лет! Я не знал, что сказать.

Несколько лет спустя, когда Айзек получил свою первую премию «Небьюла» за роман «Сами боги», он окликнул меня через полупустой банкетный зал. Удивлённый, я подождал, пока он подойдёт.

— Это конец — всё, Джордж, — сказал он.

— Что вы имеете в виду? — ответил я.

Он поднял свой приз.

— Я достиг вершины.

— Я уверен, что вы получите ещё одну, — сказал я. Мои слова, казалось, не приободрили его, и он побрёл прочь.

Со временем я узнал, насколько гибкими являются человеческая природа и человеческая история, но мне всё равно кажется, что нам нужен подъём разума, чтобы пробиться к лучшим обстоятельствам для нашего вида. Должен признаться, меня печалит, как мало моих собратьев-людей испытывают это чувство к разуму, но, в конце концов, даже у Гэри Селдона, должно быть, были минуты отчаяния.

В 1990 году мне представилась возможность взять интервью у Айзека Азимова — той большей личности, в которой сокрыт Гэри Селдон, — и я немедленно согласился. За год до этого я написал рассказ «Совесть Академии» для сборника «Курсанты Академии: Рассказы в честь Айзека Азимова» под редакцией Мартина Г. Гринберга. Мой рассказ начинался словами: «Мои поиски Гэри Селдона начались в 1056 году Э.О.». И именно в таком настроении я приступил к этому интервью. Возможно ли предпринять новый поиск Айзека Азимова, спросить его о том, о чём никто никогда не спрашивал? Я был полон решимости это выяснить, задавая свои вопросы по почте, по телефону и, наконец, лично.

Теперь, когда его не стало, я понимаю, что знал Айзека почти тридцать лет, и вторую половину этого времени он был моим другом и коллегой. Между нами никогда не прозвучало ни одного резкого слова. Дверь его дома всегда была для меня открыта, и я жалею, что не пользовался его неизменным приглашением чаще. В 80-х, когда один издатель плохо обошёлся со мной, Айзек немедленно встал на мою защиту. Он не терял ни минуты, и его помощь была действенной; он помогал мне, даже когда его собствен-

ное здоровье ухудшалось. Когда я отправился навестить моего друга в День святого Валентина в 1991 году, чтобы завершить это интервью, я был потрясён ухудшением его здоровья. Айзек храбрился, отвечая на мои последние вопросы. Несколько раз за время нашего разговора он прерывался, чтобы ответить на телефонные звонки, и каждый раз, несмотря на явное недомогание, его голос был ясным и сильным, слова — рациональными; голос отцовской фигуры (самого Гэри Селдона!), который помог мне научиться думать самостоятельно и стать тем писателем, которым я стал. Одно ясно: он всегда будет с нами, потому что он написал так много, что я буду читать его до конца своей жизни, и за это я благодарен. Прощай, Айзек, но только на время.

Джордж Зебровски: Я хотел бы спросить вас, какими были ваши самые сокровенные чувства, когда вы только начинали писать. Чего вы больше всего желали от этих усилий? Каким вы представляли себе это занятие?

Айзек Азимов: Когда я только начал писать (в возрасте одиннадцати лет), у меня было лишь чувство, что я хочу писать, я не знал почему. Мне просто хотелось придумать рассказ.

К восемнадцати годам я перешёл на новую стадию. Я хотел увидеть свой рассказ в печати, со своим именем под ним. Это всё, о чём я мечтал — увидеть своё имя в *Astounding*. Мысль о деньгах даже не приходила в голову. Увидеть своё имя было замечательно — всё, как я себе представлял, — а когда появились и деньги, они оказались кстати, потому что они были нужны мне для колледжа.

После этого оставалось лишь пытаться писать лучше... и лучше...

Зебровски: Правда ли, что за этим изначальным желанием увидеть свою работу в печати стояла глубокая любовь к той научной фантасти-

ке, которую вы читали в детстве, и стремление добавить что-то к её красотам собственными произведениями? И не могли бы вы сказать, какие произведения 1930-х годов произвели на вас самое сильное впечатление?

Азимов: Да, я был страстным читателем научной фантастики с девяти лет. С 1929 по 1938 год я прочёл всё, что попадалось мне под руку из научной фантастики. Что касается моих любимых произведений того периода, они вошли в мою антологию «До золотого века».

Среди романов, которые я особенно любил, были «Космический легион» и «Кометчики» Джека Уильямсона, всё, что написал Э. Э. Смит, особенно «Галактический патруль», и «Мародёры Вселенной» Эдмонда Гамильтона.

Как только я начал публиковать научную фантастику, это стало для меня скорее делом, и я уже не мог любить её с той безумной безоглядностью, как в юные годы — возможно, потому что такая безумная безоглядность возможна только в юности.

Зебровски: Какие из ваших собственных произведений вам нравятся больше всего? Не могли бы вы ответить на это по каждой категории — короткая проза, романы и особенно нон-фикшн?

Азимов: Короткая проза: Мой любимый рассказ — «Последний вопрос», впервые опубликованный в *Science Fiction Quarterly* в 1956 году.

Романы: Мой любимый роман — «Сами боги», опубликованный *Doubleday* в 1972 году. Он получил «Хьюго» и «Небьюлу», но не поэтому он мой любимый.

Нон-фикшн: Мои любимые научно-популярные книги — это мои автобиографии: «В памяти по-прежнему молод» и «По-прежнему чувствую радость».

Зебровски: Так почему же «Сами боги» — ваш любимый роман?

Азимов: Потому что когда я перечитываю его (а я недавно это сделал), я не могу не заметить, что я писал лучше, чем всегда, особенно во второй части. Мне показалось, что мой текст был лучше и искуснее, чем обычно. Просто везение, полагаю, потому что я не помню, чтобы работал над ним как-то иначе, чем над другими своими романами.

Признаюсь, во второй части я принимал «вызов». Поскольку я избегаю секса и инопланетян в своих романах, я слышал, как говорили, что я не могу справиться ни с тем, ни с другим. Я был полон решимости показать тем, кто так говорил, что они глубоко неправы. Во второй части я имел дело с инопланетянами, которые были действительно иными, и она касалась только секса. Каждый раз, когда я думаю об этой книге, я думаю с удовлетворением о том, что показал тем, кто меня недооценивал, что им не следовало этого делать.

Зебровски: Многие мои коллеги разделяют моё мнение, что «Сами боги» — одно из ваших лучших произведений, потому что оно современно по технике, наполнено оригинальными идеями и провокационно касается вопросов науки и правительства. Мы также включаем сюда «Стальные пещеры», «Обнажённое солнце», «Конец Вечности», а из короткой прозы — «Мёртвое прошлое», «Уродливый мальчуган» и «Путь марсиан». Автор этих произведений говорит изящно-ясным и утончённым голосом. И тем не менее, вы в разных случаях, наиболее недавно в примечании автора к вашему новому роману «Немезида», отреклись от так называемого «артистизма». Я говорю «так называемого», потому что не верю, что вы против подлинного артистизма, а только против претенциозного его вида. Мне кажется, что писатель, которого Энтони Бёрджесс описал как «никаких лёгких побрякушек для вечера, когда нечего делать; они требуют сосредоточенности, как требует её Генри Джеймс», был несправедлив к

собственным достижениям.

Азимов: Я отрекаюсь от любых притязаний на «артистизм» просто потому, что не потею над своими книгами. Я пишу их так быстро, как только могу, и никогда не оглядываюсь назад. Я не шлифую и не пересматриваю, за исключением случаев, когда необходимо исправить фактические ошибки. Чтобы делать это, я намеренно пишу, как можно более простым и прямолинейным образом, избегая всякой вычурности.

Возможно, под «артистизмом» я имею в виду «вычурность». Возможно, в простом письме есть искусство, но если оно есть, я вкладываю его на бессознательном уровне — никогда намеренно.

Критики обвиняли меня в том, что у меня «нет стиля», но я не обращаю на это внимания. Что они имеют в виду, так это отсутствие «вычурности», и это чистая правда. Разница лишь в том, что они думают, будто она у меня должна быть, а у меня её нет.

Зебровски: Я хотел бы расширить нашу дискуссию, если позволите. В недавней редакционной колонке в вашем журнале Asimov's вы выразили удивление, что Роберт Э. Хайнлайн мог иметь так много проблем с редакторами и издателями на протяжении своей карьеры. Я хотел бы спросить вас, почему вы удивились. Как наблюдатель за издательской сценой на протяжении многих лет, вы, конечно, замечали, что уважение, которым пользуется писатель, не всегда распространяется на то, как с ним обращается редактор или издатель. Грег Бир заметил, что издательства научной фантастики склонны пожирать и выплёвывать многих из своих лучших авторов. Что вы думаете о вопросах, которые я поднял в своей рецензии на письма Хайнлайна, «Ворчание из могилы»?

Азимов: Раз уж сегодня Рош ха-Шана, позвольте мне процитировать историю из Библии. Вы найдёте этот отрывок во 2-й книге Паралипоменон

1: 7–12:

«В ту ночь явился Бог Соломону и сказал ему: «Проси, что Мне дать тебе».

И сказал Соломон Богу: «Ты сотворил Давиду, отцу моему, великую милость и поставил меня царем вместо него.

Да исполнится же, Господи Боже, слово Твое к Давиду, отцу моему. Так как Ты воцарил меня над народом многочисленным, как прах земной, то ныне дай мне премудрость и знание, чтобы я умел выходить пред народом этим и входить, ибо кто может управлять этим народом Твоим великим?» И сказал Бог Соломону: «За то, что это было на сердце твоём и ты не просил богатства, имения, и славы, и души неприятелей твоих, и также не просил ты многих дней, а просил себе премудрости и знания, чтобы управлять народом Моим, над которым Я воцарил тебя, премудрость и знание дается тебе, а богатство, и имение, и славу Я дам тебе...».

Ну, следующего не случилось, но если бы могло случиться, вот что бы произошло.

Пятьдесят лет назад Бог явился мне и сказал: проси, что дать тебе. И сказал Айзек Богу... дай мне желание писать и дар быть опубликованным. Это всё, что я хочу.

И сказал Бог Айзеку: за то, что это было на сердце твоём, и ты не просил богатства, имения, славы, ни больших авансов, ни великого продвижения, ни долгой жизни, желание писать и дар быть опубликованным даётся тебе, а богатство, имение, славу, и большие авансы, и продвижение, и долгую жизнь Я дам тебе.

И вот так, Джордж. Я заключил сделку с каждым издателем, с которым работаю, особенно с Doubleday, и она такова. Они публикуют всё, что я им даю для публикации, а я не прошу больших авансов — или вообще

никаких авансов, если необходимо — и не задаю вопросов о продажах, не предъявляю требований к продвижению, не прошу особого обращения.

И в результате Doubleday опубликовал 113 моих книг, включая большое количество сборников эссе, комментарии к Библии, к Шекспиру, к Гилберту и Салливану и так далее. Они никогда не отвергали ни одной книги (кроме одного раза, если подумать, к их сожалению) и никогда серьёзно не возились с тем, что я написал. И они дают мне авансы, которые больше, чем я хочу, они бесконечно переиздают и перепечатывают мои книги и обращаются со мной всегда как с любимым дитятей — и всё потому, что я ничего не прошу, кроме публикации.

Это справедливо и для моих других издателей. Однажды один из них сказал мне: «Вы наш лучший автор, но что удивительно — вы ещё и самый приятный. Эти две вещи никогда не сочетаются».

Так что это было великое открытие, и я не эгоист. Я даю его всем вам свободно. Хорошие парни приходят первыми.

Что касается Роберта Хайнлайна, нет сомнений, что его ценили выше, чем меня, как писателя-фантаста (и только как писателя-фантаста), и он, несомненно, зарабатывал больше денег, чем я, но никто не может читать «Ворчание», не видя, что он был несчастливым человеком, тогда как никто не может читать мою двухтомную автобиографию, не видя, что я был счастлив.

Боб был несчастлив, потому что у него было сильно развито чувство, что каждый редактор, с которым он имел дело, его обманывает, и я подозреваю, что большинство писателей чувствуют то же самое (с разной степенью обоснованности, насколько я знаю). У меня нет такого чувства. Я всегда предполагаю, что редактор на моей стороне. Если я зарабатываю деньги, он зарабатывает деньги, и наоборот, и, насколько я знаю, это рабо-

тает.

Вашего описания Хайнлайна в вашей рецензии на «Ворчание» я не узнаю, за исключением его предложения поддержать Джин Киркпатрик на пост вице-президента в 1988 году. Она заставила бы даже Дэна Куэйла выглядеть хорошо.

Возможно, этот ответ будет использован как «доказательство» того, что у меня колоссальное эго, но чёрт с ним. Я слишком стар и слишком уверен в себе, чтобы мне было дело до того, что кто-то говорит.

Зебровски: Какие произведения в жанре НФ последних десятилетий, скажем, с 1965 года, вы находите достойными или доставляющими удовольствие? Какие писатели вам не нравились? Или, в более общем плане, какие тенденции в научной фантастике вы не одобряли?

Азимов: Простите меня, Джордж, но мне невозможно ответить на первую часть этого вопроса. Я не люблю судить своих коллег: во-первых, потому что это несправедливо, а во-вторых, потому что не считаю себя достаточно компетентным для этого.

Тенденция в научной фантастике, которую я не одобряю, — это растущая склонность писать подражания Толкину. Ни одно из них не находится в пределах светового года от Толкина, и они сжимают настоящую научную фантастику в более узкие рамки.

Зебровски: Какими научно-популярными трудами вы восхищались на протяжении многих лет?

Азимов: Мне очень понравилась «Создание атомной бомбы» Ричарда Роудса. Я также читаю любые научные книги Мартина Гарднера, Л. Спрэга де Кампа, Стивена Джея Гулда, Пола Дэвиса или Тимоти Ферриса.

Зебровски: Какими произведениями художественной литературы, не относящимися к НФ, вы восхищались на протяжении многих лет?

Азимов: Я большой поклонник Чарльза Диккенса, Марка Твена, П. Г. Вудхауса и Агаты Кристи. Я перечитывал всё, что они написали, снова и снова, и не намерен когда-либо останавливаться.

Зебровски: Ваш новый роман «Немезида» — это ваша первая за некоторое время книга, не принадлежащая к какой-либо серии. Что побудило вас написать её?

Азимов: Меня побудила написать её мой редактор из Doubleday, Дженнифер Брел, которая приказала мне написать книгу, не являющуюся частью какой-либо серии. И я написал, просто чтобы показать ей, что могу.

Зебровски: Над чем вы сейчас работаете? Какие ещё художественные произведения вы планируете? Есть ли впереди книга под названием «Основание и Вечность»?

Азимов: Роман, над которым я сейчас работаю, — это «Путь к Основанию». Опять же, его детали следуют распоряжению Дженнифер Брел. Она хотела роман из вселенной Основания, который, как и первые три, не был бы монолитным. По этой причине я сказал, что напишу его как пять взаимосвязанных повестей. Я закончил две и работаю над третьей. Это очень трудно — пять отдельных сюжетов, которые продвигают общий сюжет. Когда-нибудь мне нужно будет перестать принимать вызовы, только чтобы покрасоваться.

Зебровски: В качестве последнего вопроса для этого интервью: что бы вы хотели, чтобы я спросил, но не спросил?

Азимов: Я не думаю, что вы спросили меня, была ли моя жизнь писателя счастливой. Ответ таков:

Ещё бы.

Я приближаюсь к концу своей жизни сейчас, но оглядываясь назад, вижу, что она была наполнена волнением, драматизмом и удовлетворением от

писательства. Я почти ничего другого не делал — не путешествовал, не устраивал вечеринок, не «веселился» — просто сидел за пишущей машинкой и работал.

Жалею ли я об этом сейчас?

Никогда.

Всё, что у меня есть, — это смутное чувство, что я хотел бы начать всё сначала и на этот раз писать больше и на больше разных тем. Я сожалею о тех маленьких отрезках моей жизни, когда я не писал и которые я потратил впустую.

Интервью впервые было опубликовано в журнале *Amazing Stories*, Октябрь 1992 года.

Перевод — А.Р.

Наше издание

Главные голоса фантастики: вышел сборник интервью с ведущими авторами жанра «Беседы о научной фантастике»

В издательстве «НИИЧАВО» вышла новая книга — «Беседы о научной фантастике». Интервью с Полом Уокером (Speaking of Sci-

ence Fiction: The Paul Walker Interviews).

Мы решили выпустить этот сборник интервью, по тому что Пол Уокер славился умением находить подход к сложным и колючим интеллектуалам. Например, в книге прекрасно раскрывается, как Азимов, отвечая на вопросы, подсознательно стремится продемонстрировать свое превосход-

ство в знаниях. А Фредерик Пол, напротив, обсуждает с интервьюером серьезные идеи на равных.

Эта книга стала уникальным срезом эпохи, отражающим противоречия и основные идеи НФ того времени: от стремления дать человечеству "шанс помечтать" до исследования и критики общества. Она по праву считается важным историческим документом.

«Беседы о научной фантастике» — это сборник тридцати одного увлекательного интервью с лучшими писателями-фантастами, от Пола Андерсона до Роджера Желязны.

Каждое интервью представляет собой попытку ответить на вопросы, которые интересуют большинство читателей НФ: каково это — быть писателем-фантастом? Как они начинали? Как они приходят к своим идеям? Как они планируют свои рассказы? Как они пишут и переписывают их? Как они их продают? Как они видят себя в качестве писателей? Как самооценка писателя-фантаста изменилась за последние сорок лет?

Кроме того, в книге есть интригующие соображения о писателе-фантасте как критике и редакторе.

Введение написано доктором Томасом Дж. Робертсом, профессором английского языка в Университете Коннектикута; послесловие — Сэмюэлем Майнсом, автором книги «Последние дни человечества» и бывшим редактором Thrilling Wonder Stories.

Книга вышла лимитированным тиражом в 30 экз., твердый переплет, внутри более 30 иллюстраций, 422 страницы.

Из Фантастики в Реальность

*То, что сегодня является фантастикой,
завтра вполне может стать реальностью*
Сэм Московиц

Ветер на высоте — энергия на земле

В марте 2026 года в Китае протестировали крупнейшую в мире воздушную ветроэнергетическую установку нового поколения. Демонстрационные испытания прошли в провинции Сычуань. Разработку представила компания Linyi Yunchuan, которая предложила новый способ извлечения энергии из ветра. Кроме этой компании в разработке приняли участие Университет Цинхуа и Институт аэронавтики и космонавтики КНР. Главная идея — группа турбин, которые вращает устойчивый воздушный поток на

большой высоте.

Аппарат состоит из баллона, наполненного гелием, по сути дела — аэростата. Он поднимает и держит на большой высоте кольцевое крыло. Крыло формирует кольцевой поток, в котором находятся 12 турбогенераторов, каждый со своим двухлопастным винтом. Работающее устройство (вид спереди) показано на рисунке.

Новая модель S2000 успешно прошла летные испытания. Ее рекламируют как первую в мире высотную ветроэнергетическую установку мегаваттного класса, которая приспособлена для использования в городской среде, потому что почти не занимает места на земле. Максимальная мощность системы 3 МВт. Ранее, в сентябре 2025 года, разработчики испытывали модель S1500 мощностью 1 МВт. Диаметр устройства 40 м, длина — 60 м.

Испытательный подъем S2000 продолжался около получаса, за это время установка достигла высоты примерно 2 км и произвела 385 кВт-часов электроэнергии.

Энергия была напрямую передана в электросеть по кабелю. По оценкам разработчиков, одного часа работы этой установки достаточно, чтобы полностью зарядить 30 электромобилей премиального класса. Система мобильна, ее можно перевозить в стандартном контейнере, развертывание занимает около восьми часов.

Подобные летающие установки можно использовать как автономные источники энергии для удаленных районов, научных станций и экспедиционных баз.

Китайская установка напоминает прототип стратосферной электростанции или СЭС, которую в 1952 году в повести «Покорители

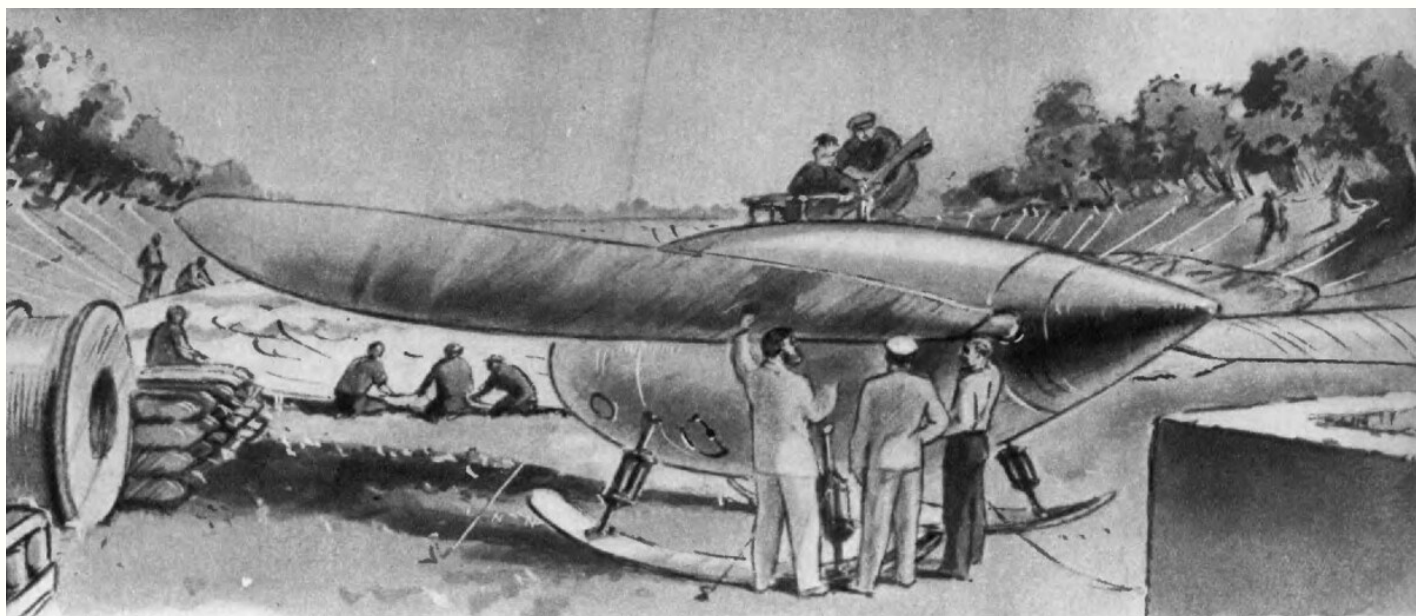
вечных бурь» представил советский писатель Виктор Александрович Сынтин. Его произведение выходило в журнале «Техника — молодежи» с апреля по ноябрь и было богато проиллюстрировано внуком И.К. Айвазовского, художником Константином Константиновичем Арцеуловым. Повесть рассказывала о проекте обуздания высотных ветров для получения энергии.

«В стратосфере нет конвекционных движений воздуха. Здесь наблюдаются лишь горизонтальные воздушные потоки, они дуют почти всегда в одном направлении. В средних широтах, например, на высоте 12–14 километров, дуют главным образом ветры западного направления. Средняя скорость этих постоянных воздушных потоков в два-три раза превышает скорость ветра у земли. На этой высоте часты и очень сильные ветры: здесь область вечных бурь и возникают нередко воздушные потоки, обладающие скоростью около четырехсот километров в час. При ураганах, во время штормовых порывов, у земли скорость ветра достигает 50–60 метров в секунду, а в стратосфере скорость бывает 100 и более метров в секунду.

Лишь на “полюсе ветров” — на земле Адели в Антарктике средняя годовая скорость ветра очень велика — около 20 метров в секунду и приближается к средней скорости ветра на высотах.

Выше 12–14 километров в наших широтах сила воздушных потоков начинает убывать. Но с 20 километров снова возрастает. Там расположена вторая область вечных бурь и ветер почти всегда дует с востока на запад.

Чем же объясняется это постоянное “переливание” воздуха в стратосфере — в нижнем ее слое в восточном направлении, а в верхнем — в западном? Наука еще не дала точного ответа на этот вопрос. Вероятнее всего, эти перемещения воздушных масс на высотах являются элементом

Работы по изготовлению СЭС, описанные В.А. Сытиным и проиллюстрированные К.К. Арцеуловым в повести **«Покорители вечных бурь»** и представленные в апрельском номере за 1952 год журнала «Техника-молодежи»

“большого круговорота” воздуха в атмосфере Земли, несколько схожего с большим круговоротом влаги. Но, так или иначе, стратосферные ветры — это как бы часть огромного природного механизма — “машины планеты”, который безотказно действует миллионы веков.

Вот и задумали наши ученые заставить этот механизм работать на пользу советских людей. Каким же образом?

Родилась мысль поднять в стратосферу на привязном аэростате ветро-электродгенератор.

Ленинградский профессор Трубокуров произвел все необходимые расчеты. Они показали, что хотя плотность воздуха на высоте 10–12 километров значительно меньше, чем на уровне моря, — воздушные струи несут там много энергии.

Академик Никольский рассчитал, что можно создать стратосферную

ветроэлектростанцию мощностью даже в 1000 киловатт. Эта станция будет действовать и вырабатывать энергию безостановочно многие годы.

Затем был создан технический проект опытной стратосферной электростанции — СЭС, и теперь она построена. Она-то и будет испытываться здесь, в заволжских степях. Если опыт окажется удачным, наша Родина обогатится возможностью использовать практически неисчерпаемый источник энергии высотных ветров, источник поистине фантастической мощности.

Подсчеты показывают, что лишь тысячные доли общей мощности воздушных потоков в стратосфере в миллионы раз превышают ту мощность, которую получают люди на всем земном шаре, сжигая в топках тепловых электростанций нефть, торф и каменный уголь».

Как большинство авторов советской фантастики, писатель хорошо представлял техническую сторону вопроса. До войны Виктор Александрович Сытин был заместителем председателя Комитета по изучению стратосферы, а в 1937 году руководил стратосферной экспедицией, изучавшей высотные ветра и погодные условия.

В повести Сытина вечные бури покорились, пусть и не без проблем, и новая стратосферная электростанция начала давать энергию.

Статья была впервые опубликована в журнале «Химия и жизнь» № 6 за июнь 2026 года.

